

ГЛАВА 4. СРЕДНЕВЕКОВАЯ РОССИЯ МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И АЗИЕЙ

Изучение экономической истории России необходимо не только из соображений национального самопознания, но и потому, что она неразрывно связана с одной из главных теоретических проблем экономической истории – различием восточного и западного путей развития.

Колебание между восточной и западной моделями развития стало главным лейтмотивом российской истории. Поскольку Россия совмещает черты «отсталого Запада» и «передового Востока», то анализ ее экономической истории помогает понять объективную ограниченность западного пути развития.

4.1. Производственная среда российской цивилизации

Наиболее стабильным фактором хозяйственной жизнедеятельности любого народа является, конечно, природно-географическая среда. Но и этот фактор не является константой. Рассмотрим сначала наиболее общие особенности производственной среды России, проявляющиеся и в наши дни, а затем историческую специфику этой среды в средневековую эпоху.

Мобилизационно-коммунальная среда
российского средневекового земледелия

Хозяйственная жизнедеятельность россиян, которые вплоть до середины XX в. оставались в основном крестьянским сообществом, связана, прежде всего, с особенностями их земледельческого производства. Природно-географическую среду русского средневековья следует охарактеризовать как *мобилизационно-коммунальную*, то есть такую, которая создает ритмику производства и требует коллективных усилий под единым руководством (Рис. 4-1).

Хозяйственная культура российского/русского этноса формировалась в условиях *короткого производственного цикла*. Северный континентальный климат, короткое и холодное лето заставляли осуществлять главную, земледельческую деятельность в режиме не равномерного расходования сил, а импульсной мобилизации. Это значит, что в течение 5 месяцев в году (с начала мая до начала октября) русский крестьянин трудился на пределе сил, а остальное время года вынужденно оставался свободным. Для сравнения можно отметить, что в Западной Европе срок сельскохозяйственных работ был вдвое длиннее (не работали лишь в декабре и январе), воспитывая у земледельцев привычку к постоянному размеренному труду¹.

Следующей природно-географической особенностью, обусловившей специфику российской экономической культуры, является *низкая продуктивность земледелия, приводящая к существованию в режиме выживания*. Ритмичный труд на не слишком плодородных землях давал низкую отдачу: даже в эпоху нового времени урожайность зерновых не превышала сам-3 (три собранных зерна на одно посеянное)². Между тем в Западной Европе уже в XVI в. нормой стали урожаи зерновых сам-5. Этот разрыв нельзя объяснить отставанием в агротехнике: по расчетам Л. Милова, если учитывать только природно-климатический фактор, абстрагируясь от различий труда и капитала, то чистый выход растительной биомассы в России все равно в среднем в 2 – 2,5 раза ниже, чем в

¹ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.:РОССПЭН, 1998. С. 554 и др.

² К концу XVIII в. средние урожаи зерновых в Европейской России составляли всего порядка сам-3 или даже сам-2 (Милов. Л. В. Ук. соч. С. 189).

Западной Европе³. Низкая продуктивность земледелия оставляла мало возможностей для накопления излишков, а, следовательно, для значительного социального расслоения.

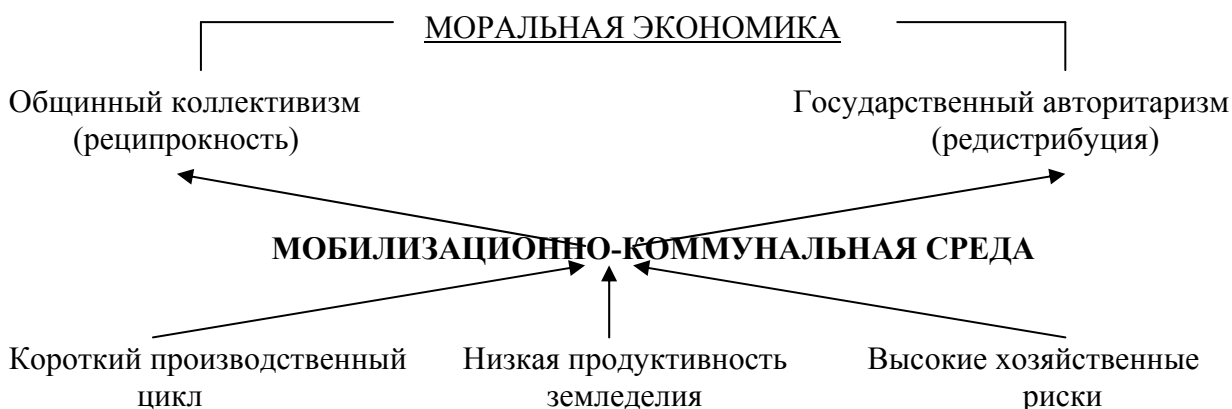

Рис. 4-1. Мобилизационно-коммунальная среда в средневековой России

Самое тяжелое заключалось в *высоких хозяйственных рисках* – урожаи были не только требующими аврального труда, не только низкими, но и весьма нестабильными. Авральность и низкая отдача сами по себе повышают рискованность хозяйственной деятельности. Но в России сбор урожая зависел не столько от количества и качества труда, сколько от капризов погоды⁴. Так, данные за XVI в. показывают (Рис. 4-2), что всего за десятилетие сводный индекс цен на хлеб в Русском государстве мог варьироваться от 48 (урожайный 1562 г.) до 435 (неурожайный 1570 г.). Очевидно, что и урожайность варьировалась со столь же высокой – едва ли не десятикратной! – амплитудой.

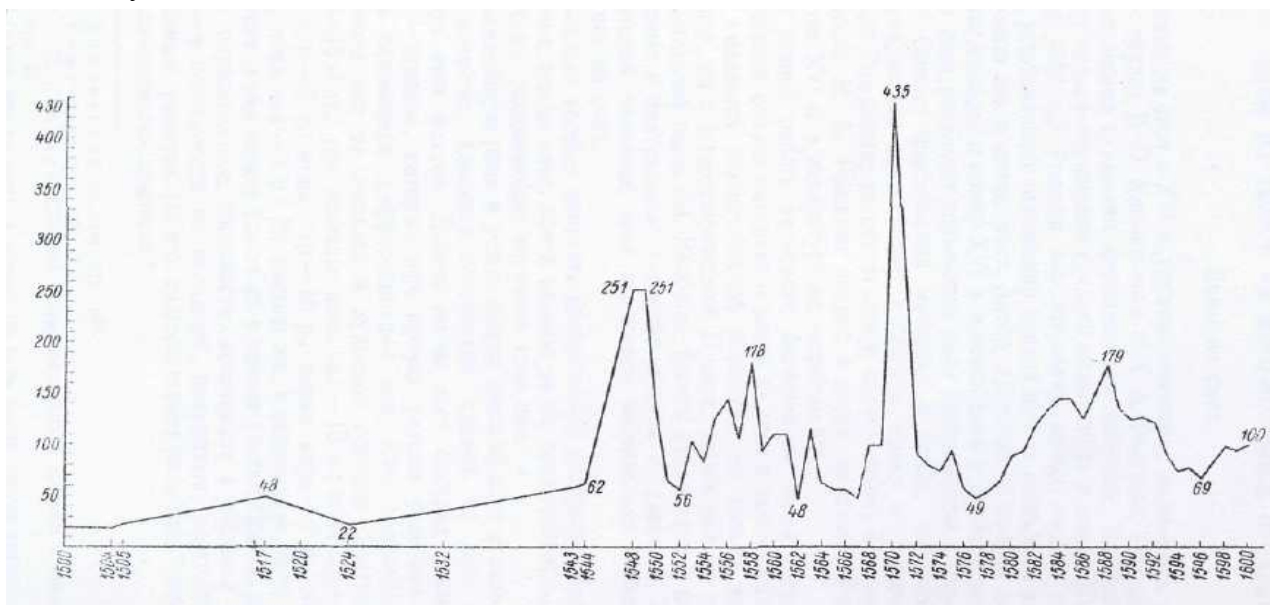

Рис. 4-2. Колебания индекса хлебных цен в России XVI в. (за 100 взят уровень цен 1600 г.)

Источник: Маньков А.Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1951. С. 41.

³ Милов Л.В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // *Общественные науки и современность*. 1995. № 1. С. 15.

⁴ Милов Л.В. Ук. соч. С. 411.

Низкопродуктивное земледелие средневековой России явилось одной из причин слабого развития городов, которое в доиндустриальных обществах определяется масштабами аграрного прибавочного продукта. В свою очередь, слабое развитие городов, а следовательно, слабое развитие ремесленно-промышленной деятельности, не дали развиваться (как в Западной Европе) «третьему сословию» с присущими ему ценностями индивидуализма. В XV в. в городах жила всего 0,1% населения Северо-Западной Руси⁵ (в менее урбанизированной Северо-Восточной Руси – еще меньше), и даже в конце XVII – начале XVIII вв. доля горожан составляла в России лишь примерно 4%. Для сравнения вспомним, что в населении Англии доля горожан составляла уже в XV в. примерно 20%, а в XVIII в. – порядка 50%.

Конечно, выживание в условиях высоких жизненных рисков требовало не только фаталистической надежды на «авось», но и создания механизмов хотя бы частичной компенсации этих рисков. Доиндустриальные общества допускают развитие двух типов гашения последствий рисков:

- 1) объединение рисков путем замены шоковых потерь регулярными издержками – речь идет о сборе регулярных налогов, податей и сборов в пользу стоящих над индивидуальным домохозяйством инстанций (общины, землевладельца, государства), которые при наступлении «страхового случая» (голод, пожар, нашествие) обязаны помогать нуждающимся;
- 2) распределение рисков – деление последствий возможных потерь между членами некоего коллектива (общины, цеха, касты), объединенного стремлением противостоять единым для всех потенциальным опасностям.

Первый вариант предполагает создание стоящей над домохозяйством властной «вертикали», второй – растворение индивидуального домохозяйства в общинных коллективах. Именно эти черты, *государственный авторитаризм* и *общинный коллективизм*, стали императивом российской цивилизации.

Сильные перераспределительные механизмы внутри крестьянского социума могли базироваться только на уравнительных ценностях. Поэтому объективные условия хозяйственной деятельности российских крестьян обусловили длительное сохранение и даже периодическую регенерацию общинных форм организации социально-экономической жизни.

Важнейшими характеристиками общинных форм поведения являлась *реципрокация* при помощи многочисленных обычаев уравнительного перераспределения, таких как потlach (дарения излишков), помочи (совместная трудовая деятельность), «наряды миром», толоки, складчина. Реципрокный характер такого обмена означал, что обмен осуществлялся между равными, а получение помощи накладывало на получателя обязательство немедленно отозваться на призыв оказавшего ему помощь, когда последний будет в ней нуждаться.

Общинная реципрокность дополнялась государственной *редистрибуцией*: центральная власть имела право накладывать на всех подданных подати, чтобы использовать централизованные средства на общественно-полезные цели. Поскольку в ситуации высоких жизненных рисков расходы правителя не могли не колебаться, за ним признавалось право собирать не только обычные, но и экстремальные поборы.

Таким образом, мобилизационно-коммунальный труд неизбежно вел к развитию «моральной экономики» сельской общины и государственного патернализма⁶. Как и в

⁵ Аграрная история Северо-Западной Руси. Вторая половина XV – начало XVI веков. Л., 1971. С. 324.

⁶ О принципах «моральной экономики», открытых впервые американским ученым Дж. Скоттом в странах Азии, см., например, брошюры А.И. Фурсова: Проблемы социальной истории крестьянства Азии. Вып. 1. Новейшие модели крестьянина в буржуазных исследованиях. М.: ИНИОН, 1986. С. 41 – 185; Проблемы социальной истории крестьянства Азии. Вып. 2. «Моральный крестьянин» или «рациональный крестьянин»? М.: ИНИОН, 1988.

других «восточных» странах, российская «моральная экономика» культивировала представления о человеке как принадлежности целого, коллектива, и о традиции как высшей ценности в сравнении с новациями. Крестьянин подчинялся общине, община подчинялась землевладельцу, а землевладелец подчинялся государству. В результате попавший в нужду крестьянин мог рассчитывать на обязательную помощь своих односельчан и на патернализм «барина», а в случае особо тяжелых неурожаев – на государственную раздачу хлеба (как это было, например, во время «великого гоуноувского голода» 1601-1603 гг.). Но едва трудолюбивый и удачливый землепашец начинал богатеть, как его достаток «срезался» государственными повинностями, поборами землевладельца и обязательствами помогать соседям по селу.

Историческая специфика Мобилизационно-коммунальный характер
XIII – XVII вв.: российского земледелия мог усиливаться или
«жизнь под саблeй» ослабевать в зависимости от обстоятельств
исторической эпохи. Время формирования российской цивилизации – это как раз то время, когда *обычные риски хозяйственной деятельности в зоне рискованного земледелия оказались еще более взвинченными.*

России «повезло» быть форпостом Европы на границе со Степью – миром кочевых племен, которые постоянно смотрели на оседлых земледельцев как на добычу. *Борьба с кочевниками* (печенегами, половцами, Золотой Ордой, Казанским и Крымским ханствами) проходит красной нитью сквозь всю историю средневековой России.

Средневековая Западная Европа тоже знала немало разорительных войн (вспомним хотя бы Столетнюю и Тридцатилетнюю). Однако набеги степняков качественно отличались от феодальных или королевских междоусобиц. Войны на Западе велись «оседлыми бандитами», которые желали расширить контролируемую ими территорию. Поэтому захватчики грабили крестьян и горожан, но не устраивали геноцида. Степняки же, будучи типичными «бандитами-гастролерами», вовсе не собирались оставаться в штурмуемых городах, потому при взятии городов их разоряли дотла, а горожан уводили в полон или уничтожали. Капитуляция в расчете, что победитель милостиво удовлетворится богатой контрибуцией (эта типичная для средневековой Западной Европы ситуация запечатлена Роденом в «Гражданах Кале»), заведомо исключалась.

Постоянное соседство со Степью столь же постоянно генерировало особые, смертоносные риски. Известно, что после монголо-татарского нашествия многие города буквально исчезли с лица земли⁷. Сама столица Московии дважды подвергалась разорению, после чего ее приходилось отстраивать практически заново, – в 1382 и в 1571 гг. Средневековая Англия находилась в схожем положении лишь в эпоху викингов, в раннее средневековье (VIII-X вв.). Средневековая же Россия постоянно жила «под саблeй». «Войны жестокие катят, как волны морские...», писал в XVI в. Николай Гусовский, и эти волны захлестывали Россию на протяжении почти всей ее истории.

Для снижения смертоносных рисков набегов степных «бандитов-гастролеров» было необходимо централизованное государство, которое либо давало отпор налетчикам, либо откупалось от них. Чаще всего приходилось делать и то, и другое. Если Киевской Руси и Великому Княжеству Литовскому удавалось удерживать степняков в основном силой оружия, то Московское государство постоянно им платило дань.

⁷ По археологическим данным, из 74 русских городов XII-XIII вв., известных по раскопкам, 49 (2/3!) были разорены Батыем, из них 14 городов (т.е. около 20% от их общего числа) уже не поднялись из пепла, а 15 (еще 20%) постепенно превратились в села. По подсчетам А.А. Горского, в середине – второй половине XIII в. прекратили свое существование 83% укрепленных поселений Киевской земли (из них позже возродились лишь 22%), 81% – Переяславской земли (возродились 14%), 76% – Галицко-Волынских (возродились 31%) (Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 202).

До конца XV в. дань русских княжеств татарам была выражением вассальной зависимости от Орды. После «стояния на Угре» 1480 г. русские земли стали полностью самостоятельными, но у татарских государств оставалось еще достаточно сил, чтобы регулярно совершать грабительские набеги. Особенно «прославились» этим крымские татары: налеты на южные земли Украины и Московии стали основным источником дохода для Крымского ханства, превратившегося, по существу, в разбойничье государство.

Как и полагается «бандитам-гастролерам», татары во время набегов стремились забрать все, что только можно, включая и местных жителей, которых десятками тысяч обращали в рабство. Для правителей русских земель самым рациональным в этих условиях было выплачивать регулярную подать («выход» ханам Золотой Орды, «поминки» крымскому хану) за воздержание от набегов, выкупая тем самым защиту от разорения.

Московское государство платило регулярную дань Крыму до 1685 г., последний грабительский набег татар на Украину состоялся в 1769 г., и только при Екатерине II это разбойничье гнездо удалось окончательно ликвидировать. Лишь после этого исчезла Степь как фактор хозяйственных рисков и появилась возможность освоить плодородные степные черноземы.

Таким образом, татары Золотой Орды, а затем казанские и крымские татары попеременно выступали по отношению к москвитам и украинцам, в зависимости от политической конъюнктуры, то как «бандиты-гастролеры», то как «оседлые бандиты». В ситуации «жизни под саблей» на малоодоходное крестьянское хозяйство ложилось бремя содержать не только «свой» государственный аппарат, но еще и иноземцев. Возможности развития «третьего сословия» еще более ухудшались, зато росло княжеское/царское самовластье.

«БАЛТИЙСКИЕ ИСТОРИИ»

Оседлые бандиты-варяги как исток государственности Киевской Руси

Первые государства наших соседей-славян (поляков, чехов, сербов...) были основаны представителями местной племенной знати. В отличие от них, согласно «Повести временных лет», Русь была основана пришедшими с Балтики варягами. По идее, это должно было привести к изначально более сильной европеизации Древней Руси. Однако по дальнейшей истории Киевской Руси что-то не заметно, чтобы варяги «импортировали» в земли славян какие-либо передовые европейские институты. Почему?

Чтобы понять, почему варяги не «привили» русичам европейские институты, надо разобраться с позиций институциональной экономической теории в том, как происходило формирование Древнерусского государства.

Экономисты-институционалисты выделяют два полярных типа государств в зависимости от механизмов их образования — *контрактное государство* и *государство как «оседлый бандит»*.

В первом случае создание государственного аппарата есть результат добровольного «общественного договора», согласно которому подданные соглашаются платить налоги и отказываются от части своей свободы, а представители государства обязуются производить некоторые общественные блага (защищать подданных, руководить строительством крупномасштабных культовых и хозяйственных сооружений...) и т. д. Благодаря авторитету Г. Гроция и Ж.-Ж. Руссо эта концепция стала идеологическим манифестом буржуазных революций нового времени.

Однако в истории доиндустриальных обществ чаще встречается иной механизм политогенеза — не по Жан-Жаку Руссо, а по Манкуру Олсону⁸. Речь идет о формировании официальных государственных структур в процессе трансформации хаотических грабежей многих грабителей в сбор регулярной фиксированной дани одной «бандой» за отказ от грабежей и за охрану от других налетчиков. При таком подходе рождение государства объясняется рациональными действиями не просвещенных граждан, а жаждущих наживы бандитов, похожих на современных криминальных «авторитетов».

Рациональный бандит, который постоянно меняет объекты грабежа, практически совершенно не заинтересован в благосостоянии своих жертв и потому будет забирать у них все, что только можно. Естественно, «в мире, где действуют бандиты-гастролеры, никто не видит никаких... побудительных мотивов производить или накапливать все, что может быть похищено...»⁹.

Ситуация принципиально меняется, когда вместо многих кочующих из одного района в другой грабителей-гастролеров формируется одна грабительская организация, монополизирующая преступную деятельность на какой-либо территории. «Пастуху» выгодно, чтобы его «овцы» были сыты; чтобы у «оседлых бандитов» были стабильно высокие доходы, им необходимо заботиться о процветании местных жителей. Поэтому рациональный «бандит»-монополист не будет грабить (забирать слишком много, «беспредельничать») на своей территории сам и не позволит делать это посторонним. Организация грабителей «увеличит свою выручку, торгуя "охраной", защитой от преступлений, которые она готова совершить сама (если ей не заплатят), и преступлений, которые совершают другие (если она не будет держать на расстоянии посторонних преступников)»¹⁰.

Изложенная в «Повести временных лет» легендарная история образования в IX в. государства Рюриковичей выглядит, с точки зрения концепции М. Олсона, следующим образом. Согласно «Повести временных лет», сначала восточных славян грабили, кто хотел, — с востока «наезжали» хазары, с севера варяги. Когда же грабителей-варягов изгнали, то грабить начали уже не чужеземцы, а «свои» («и восста род на род...»). Выходом из ситуации «войны всех против всех» стало приглашение в 862 г. в Новгород «варяжской бригады» Рюрика: «князей варяжских призывая, / славянский порешил совет / сказать им: "Наша Русь большая, / но на Руси порядка нет"». (Многие историки отождествляют летописного Рюрика с сыном ютландского конунга Рориком Фрисландским, погибшим в 873 г. во время набега на земли франков. Ютландия — это Дания, а Фрисландия — нынешние Нидерланды.) Оседлые «бандиты»-Рюриковичи постепенно ликвидировали более мелкие группировки других самостоятельных «авторитетов» (типа Аскольда и Дира) и монополизировали сбор дани, охраняя своих подданных от «наездов» других варягов и прочих «неразумных хазар».

Сообщаемая начальной летописью версия образования Древнерусского государства, видимо, не слишком точна с точки зрения дат событий и имен персонажей. Ведь история о призвании варягов известна только по русским летописям — скандинавам она неизвестна. Очень сомнительно, что русский летописец XI в. в принципе мог иметь достоверную информацию о событиях двухвековой давности.

Но сам сценарий политогенеза вполне достоверен. Примерно так же происходило образование и многих других раннесредневековых государств — например, средневековой Англии, созданной германскими племенами англо-саксов, которые сначала грабили бриттов, а затем, покорив Британию, начали ее защищать от викингов. Таким образом,

⁸ Олсон М. Рассредоточение власти и общество в переходный период. Лекарства от коррупции, распада и замедления темпов экономического роста // Экономика и математические методы. 1995. Т. 31. Вып. 4. С. 53 — 81.

⁹ Олсон М. Ук. соч. С. 56.

¹⁰ Там же. С. 55-56.

государство на Руси, очевидно, родилось в процессе трансформации варяжских (датских? шведских? западнославянских?..) «бандитов-гастролеров» в «оседлых бандитов», а затем и во всеми признанную единственно законную власть.

4.2. Импорт в Россию институтов "восточного деспотизма"

Проблема «обреченности» России на «восточный деспотизм»

Коллективизм и авторитаризм, основные черты традиционной российской хозяйственной культуры, «впечатывались» в национальную ментальность не только обычным складом мобилизационно-коммунальной среды, но и экстремальными (в сравнении с Западной Европой) обстоятельствами той эпохи средневековья, когда происходило формирование русского этноса. Все это способствовало развитию в средневековой России институтов своего рода «государственного способа производства».

В Табл. 4-1 показаны черты сходства и отличия русской вотчинно-помещичьей системы отношений в сравнении с азиатской властью-собственностью и западной вассально-феодальной системой. Хорошо заметно, что средневековая Московия была ближе к Востоку, чем к Западу.

Хотя особенности производственной среды изначально обрекали русскую цивилизацию на сильные отличия от западной, однако степень этих отличий могла сильно варьироваться в зависимости от исторических обстоятельств.

Россия – окраина не только Запада, но и Востока. Здесь нет ирригационного земледелия, нет необходимости организовывать крупномасштабные общественные работы производственного назначения, как в странах «нормального» азиатского способа производства (Египет, Ближний Восток, Китай, империя инков). Хотя производственная среда русской цивилизации и создает предпосылки для «азиатского деспотизма», его развитие в России обусловлено не столь жестко и необходимо, как в странах «настоящего» Востока.

Для понимания особенностей социально-экономического строя средневековой России надо помнить, что она стояла «на семи ветрах», подвергаясь влиянию как восточных, так и западных институтов. «Ветер» Востока одолевал в средние века «ветер» Запада хотя бы потому, что сильные восточные страны были ближайшими соседями, а страны западной цивилизации заметно отдалены.

Таблица 4-1

Сравнение отношений власти и собственности в доиндустриальных обществах

<i>Характеристики правлящего класса</i>	Власть-собственность при “восточном деспотизме”	Вотчинно-помещичья система Московской Руси	Феодальная система вассальных отношений в Западной Европе
Отношения личной зависимости	Внедоговорные (министералитет)	Внедоговорные (холопство)	Договорные (вассалитет)
Наследование прав собственности	Только при наследовании служебных функций	Только при наследовании служебных функций	От отца к старшему сыну (майорат)
Защита прав собственности	Иммунитет по горизонтали	Иммунитет по горизонтали	Иммунитет по горизонтали и по вертикали
Порядок назначения на должности	В соответствии с личными заслугами перед правителем	В соответствии с заслугами предков перед правящей династией (местничество)	В соответствии с личными заслугами перед правителем
Характер власти	Деспотический	Самодержавный (Земские соборы являются	Власть верховного правителя ограничена

верховного правителя		скорее собранием экспертов, чем сослов- ным парламентом)	крупными феодалами и сословным парламентом
-------------------------	--	--	---

Средневековая Россия испытала наиболее сильное влияние со стороны трех соседних стран-гегемонов – Византии, Золотой Орды и Турции. И каждый раз это влияние вело к импорту именно институтов «восточного деспотизма». В результате возникает «*эффект матрешки*»: подобно тому как «исконно русские» матрешки на самом деле начали изготавливать в России лишь в самом конце XIX в. по образцу японской куклы нингё, так и многие «исконно русские» социально-экономические институты отражают не столько самобытные институциональные инновации, сколько влияние восточных «соседей».

Москва – «третий Рим»

На развитие русской цивилизации изначально неизгладимый отпечаток наложило принятие христианства в его православной разновидности с характерными для *православной хозяйственной этики* низкими оценками мирского труда, обрядоверием и цезаризмом.

Хотя христианская доктрина признает в принципе ценность преобразовательного труда (и тем отличается, например, от буддизма, который видит в земной жизни одно лишь страдание), но сам этот труд рассматривается различными христианскими конфессиями существенно по-разному. В отличие не только от появившихся позднее протестантских вероисповеданий, но и от современного ей католицизма, восточно-христианская религиозная традиция рассматривала *труд как неприятную необходимость*, наказание человечеству за первородный грех. Русское православие не давало высших духовных санкций для активной работы в миру. Физический труд, производство потребительских благ, занял в православной культуре подчиненное место по сравнению с трудом духовным, молитвой¹¹. Сфера земного, материального благополучия котировалась не высоко, материальный труд нигде не ставился в один ряд со спасением и терпением. Самоутверждение было направлено внутрь себя, на "устроение" собственной личности¹². Подобные факторы обусловили "нерыночность" русского национального характера, преобладание этики выживания, отношение к накопительству и собственности как к отрицательным ценностям¹³.

"Антиэкономизм" православия обусловил существование *бедности как типа культуры*. Русской культуре свойственно более терпимое и сочувственное, чем на Западе, отношение к неудачникам в хозяйственной деятельности, а сама по себе бедность не воспринималась как признак отверженности. Помощь бедным составляла важнейшую нравственную обязанность русского христианина. Нищенство долго не воспринималось как экономическое бремя или девиация, а материальное благосостояние человека отделялось от его собственной активности и ответственности. Таким образом, православное христианство при помощи этических норм закрепило перераспределительные обычаи крестьянской общины.

Другая отличительная особенность русского православия – его сосредоточенность не столько на содержании моральных заповедей, сколько на форме религиозных обрядов. Характерно, что если католические мыслители западноевропейского средневековья

¹¹ «В целом можно сказать, что православие призывает “молиться и трудиться”, в то время как формула католицизма – “трудиться и молиться”, а протестантизм убежден в том, что труд и есть молитва» (Коваль Т. Этика труда православия // ОНС. 1994. № 6. С. 59). См. также: Тюгашев Е.А. Православное отношение к труду в зеркале нравственного богословия // Человек. Труд. Занятость. Вып. 2. Новосибирск, 1998. С. 40-50.

¹² Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994. С.118.

¹³ Клопыжникова Н.М. Влияние традиционной крестьянской культуры на становление рыночных отношений на селе / Проблемы перехода России к рыночной экономике. Выпуск V. М.: МОНФ, 1996. С. 103-106.

упорно занимались систематизацией теологии, сделав ее своего рода "религиозной наукой", то русское православие ничем в этом смысле себя не прославило. Более того, незнание "мудрствований" языческих философов служило объектом своеобразной гордости, проявлением "чистоты" веры. В то время как западноевропейская Реформация XVI – XVII вв. проходила в яростных дискуссиях о свободе воли, о границах прерогатив духовной и светской власти, в Московии религиозный раскол XVII в. произошел по смехотворному (конечно, с точки зрения европейца) разногласию о том, сколькими пальцами надо креститься и как надлежит произносить имя бога. Подобное *обрядоверие* подавляло в человеке индивидуальное начало и склонность к новаторскому поиску, развивало вместо личного самоконтроля склонность бездумно следовать за массой, "быть как все".

Помимо склонности ценить религиозный обряд выше религиозной мысли Россия унаследовала от Византии и такую малопривлекательную черту, как *цезаризм* – преклонение духовной власти перед светской.

Если в Западной Европе римские папы на протяжении всей средневековой эпохи рассматривали свою власть как во многом конкурентную по отношению к власти королей и императоров, то в Византии базилиевсы с оппозицией патриархов почти не сталкивались. В средневековой России церковь тоже всегда занимала позицию помощника централизованной власти, а не оппозиционного центра власти (патриарх Никон стал единственным исключением, а его быстрое низвержение лишь подтвердило правило). (Позже, уже в эпоху нового времени, цезаризм православия дошел до такой степени, какая была немыслима даже в Византии: в XVIII в. священники были обязаны доносить светским властям об исповедях своих прихожан; земли церкви были секуляризованы, а священнослужители превращены в государственных чиновников на жаловании, и это не вызвало среди них сколько-нибудь заметного протеста.) В результате церковь окончательно превратилась из института, конкурентного по отношению к государству, в институт, целиком и полностью ему подчиненный.

Естественно, что русский вариант православия неразрывно связан с идеологией *государственного патернализма*, когда авторитет церкви ставится на службу интересам государства.

Итак, из воспринятого Россией византийского наследия главным стала традиция православия как «общинно-государственного христианства», культивирующего ценности государственного авторитаризма и общинного коллективизма (Рис. 4-3).

Рис. 4-3. Православная этика как фактор формирования российской хозяйственной культуры.

Источник: Экономические субъекты постсоветской России. М.: МОНФ, 2001. С. 95.

Россия – «вторая Золотая Орда» и «вторая Турция»

Византия, как и Россия, относилась к странам «буферного» типа, лежащих между Востоком и Западом, а потому соединяющих институты их обоих. Однако с XIII в. главным «экспортером» институтов для России стали чисто

восточные страны – сначала Золотая Орда, потом Турция (Рис. 4-4). Под их влиянием даже ранее усвоенные Россией византийские институты стали приобретать еще более ориентализированный характер.

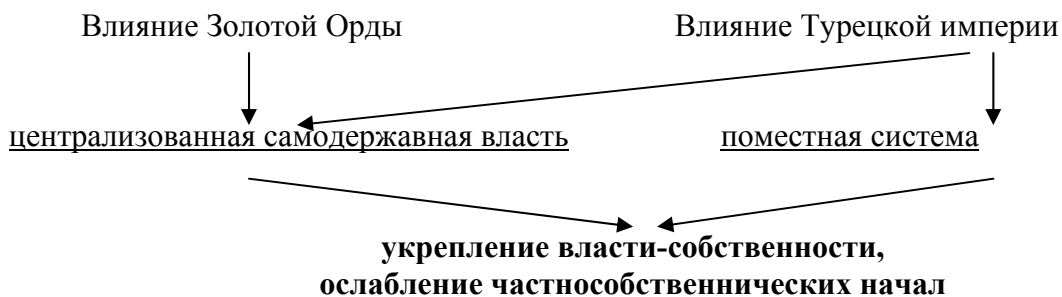

Рис. 4-4. Институты «восточного деспотизма» как фактор формирования российской хозяйственной культуры

Сама по себе Золотая Орда, созданная кочевниками-тюрками, никаких институциональных инноваций не создавала. «Наш путь стрелой татарской древней воли Пронзил нам грудь» (А. Блок), но эта «татарская стрела» была выкована в Китае и в Персии – ведь административный аппарат империи Чингизхана комплектовался из китайцев и персов. Поэтому Золотая Орда стала транслятором институтов «восточного деспотизма» стран Ближнего и Дальнего Востока, внедряемых принудительно, под угрозой оружия.

Главная институциональная инновация, пришедшая с Востока, – это, конечно, *централизованная самодержавная власть*. В Киевской Руси власть правителя оставалась сильно ограниченной вечевыми порядками, боярскими кланами, другими представителями правящей династии. На Востоке же хан/император/султан стоял высоко над всеми, даже над своими близкими родственниками, являясь повелителем их жизни и смерти. «Все настолько находится в руке императора, что никто не смеет сказать «Это мое или его», но все принадлежит императору, то есть все имущество, вьючный скот и люди», – писал Плато Карпини о власти-собственности в Монгольской империи¹⁴. Такое понимание прерогатив высшей власти было постепенно усвоено и русскими князьями. Они прекратили выделять уделы своим многочисленным потомкам и тем самым дробить государство. Что касается старого боярства, успевшего во времена раздробленности Киевской Руси завоевать некоторую степень независимости от князей-Рюриковичей, то оно в Северо-Восточной Руси было почти полностью перебито во время татарского нашествия, «новые бояре» гораздо более зависели от князя. Упадок городов неизбежно вызвал и упадок вечевых порядков, сохранившихся лишь там, куда не дошли татары, – в Новгороде и в западнорусских землях.

Помимо этой главной инновации из Золотой Орды пришло немало более частных, призванных способствовать государственной централизации: регулярное налогообложение пропорционально имущественному достатку, переписи населения, ямские станции¹⁵. Когда Н.М. Карамзин писал, что Московская Россия «обязана своим величием [татарским] ханам», то он был во многом прав. С одним уточнением – ханам обязана, прежде всего, та Россия, которая признала «необходимость самовластья / и прелести кнута».

Импорт институтов «восточного деспотизма» происходил во всех княжествах Северо-Восточной России. Правители Московского княжества оказались чуть более «прилежными» и удачливыми «учениками» золотоордынских ханов, поэтому именно Москва стала, по существу, наследником Золотой Орды. Вряд ли можно сомневаться, что

¹⁴ Карпини Джованни дель Плато. История монголов. М., 1957. С. 45-46.

¹⁵ О влиянии Золотой Орды на становление российской цивилизации см., например: Нефедов С.А. А было ли это? (<http://hist1.narod.ru/Science/Russia/Mongol.htm>)

если б первенство в объединении русских земель перехватило другое княжество, то, скажем, «тверское самодержавие» мало чем отличалось бы от московского. Эта унификация институтов вассальных Орде русских княжеств сильно облегчила затем их объединение, зато затруднила присоединение тех земель (Новгород и Псков, западнорусские княжества), которые не подвергались сколько-нибудь длительному татарскому игу.

Когда Московское государство стало политически независимым, импорт восточных институтов продолжился, но теперь объектом подражания стала набирающая силу Турецкая (Османская) империя. Если «татарские» институты внедрялись принудительно, «плеткой баскака», то внедрение «турецких» институтов явилось, напротив, результатом сознательного и добровольного выбора правителей Московии, пожелавших соединить «веру христианскую» с «правдой турецкой»¹⁶.

Главным институтом, заимствованным москвитями у турок, считают *поместную систему* как основу многочисленного и хорошо оснащенного войска. Турецкая армия состояла в основном из тимариотов – держателей надела за воинскую службу. Взятие Константинополя в 1453 г. стало яркой демонстрацией мощи турецкой армии, и уже в 1480-е гг. Иван III начал поместную реформу, направленную на расширение поместного землевладения за счет сокращения вотчинного, а также на максимальное приближение вотчинников к статусу помещиков. В недавно присоединенном Новгороде почти все «старые» землевладельцы были выселены, их земли конфискованы, переписаны и розданы московским воинам в поместья. Затем начались переписи земель, конфискации и поместные раздачи в других уездах. При Иване III и его сыне Василии III урезаются права вотчинников – большинство их лишились податных иммунитетов. Высшей точкой сознательной «османизации» Московского государства – и одновременно апогеем развития институтов власти-собственности – стала, видимо, эпоха Ивана IV. В 1555 г. произвели четкое нормирование служебных обязанностей: с каждых учтенных в писцовых книгах 150 десятин «доброй земли», помещицья она или вотчинная, обязательно выставлялся конный воин на коне и в доспехе. Для давления на вотчинников в 1562 г. был принят указ, согласно которому запрещалась продажа родовых княжеских вотчин, при отсутствии прямого наследника вотчины отбирались в казну. Этим указом запускался механизм постепенной почти полной конфискации вотчинных земель. Если до «турецких» реформ поместные пожалования уступали вотчинам, то теперь ситуация меняется: в 1540-е гг. в центральных уездах вотчины и поместья были примерно равными половинами частновладельческих земель, а к началу XVII в. поместья составляли уже более 60% частновладельческих земель.

Впрочем, кризис начала XVII в. показал, что в российских условиях курс на «развотчинивание» (своего рода «раскулачивание») чреват негативными последствиями. Хотя вотчины отличались от поместий скорее количественно, чем качественно, но и этих отличий было достаточно, чтобы, по словам советских клиометриков, «вотчинный тип феодальной собственности по всем факторам, на разных классах показателей, отличался более оптимальными характеристиками, чем тип поместного феодального землевладения»¹⁷. Имея несколько более веские основания рассматривать имение как свою собственность, которую можно будет оставить в наследство детям, владельцы вотчин лучше заботились о своих крестьянах, чем владельцы поместий.

После Смуты Романовы начали своеобразную «денационализацию», щедро разрешая переводить помещицьи владения в вотчинные. К концу XVII в. доля помещицьевого

¹⁶ О заимствовании турецких институтов см.: Нефедов С.А. Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 30-53 (<http://book.uraic.ru/elib/Authors/Nefedov/Science/Russia/Osman.htm>).

¹⁷ Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография, компьютер и методы исследования. М.: Изд-во Московского университета, 1986. С. 285.

землевладения сократилась до 40%¹⁸. Если ранее вотчины сближались с поместьем, то теперь, наоборот, поместья стали сближаться с вотчинами. В частности, уже при Михаиле Романове был узаконен переход имения в род помещика, умершего бездетным, – мероприятие, диаметрально противоположное указу 1562 г.

«Ветер с Востока» стал ослабевать в XVII в., когда в мировой истории обозначилось первенство западного пути развития над восточным. Смена династии совпала и с переменной направления поиска образцов для подражания. Реформы по созданию регулярной армии и стимулированию экспортной торговли, начавшиеся еще в 1630-е гг., производились уже с ориентацией на опыт Голландии¹⁹. Только с этого времени русские реформаторы стали стремиться подражать Западу, а не Востоку. Конечно, на первых порах это подражание касалось в основном наиболее поверхностных институтов (армия, прикладное образование, производство военной техники). Поэтому в XVII-XVIII вв. одновременно происходило усиление как про-западных, так и про-восточных институтов: например, установление крепостного права в 1649 г., чтобы крестьяне не могли уйти от своего помещика/вотчинника, – и начало создания в 1650-е гг. регулярной армии, для которой уже не нужны военно-служебные пожалования.

Впрочем, влияние институтов западного типа на русскую цивилизацию даже в XIII-XVI вв. хотя и постепенно слабело, но никогда не прекращалось.

4.3. Институциональная конкуренция в средневековой России

«Пограничный» характер российской цивилизации привел к тому, что побеждающая *московская модель* отношений власти-собственности все же наталкивалась на противодействие иных моделей (Рис. 4-5).

Рис. 4-5. Альтернативные институциональные модели и импорт институтов в средневековой России

Новгородская модель отражала сохранившуюся со времен Киевской Руси самобытную традицию частнособственнических отношений, *литовская модель* – традицию западного пути развития, а *казацкая модель* – разновидность отношений власти-собственности, причем более примитивных, чем доминировавшие в Московском государстве. Все эти три альтернативных варианта развития российской цивилизации потерпели поражение в конкуренции с московским «вотчинным государством». Анализ этого противоборства позволяет лучше понять механизмы институциональной конкуренции и увидеть те точки бифуркации, когда развитие российской цивилизации могло бы пойти иным путем.

¹⁸ Данные о соотношении вотчинного и помещичьего землевладения см.: Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 76-78; Собственность в России: Средневековье и раннее новое время. М.: Наука, 2001. С. 53.

¹⁹ См.: Нефедов С.А. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века // Вопросы истории. 2004. С. 33-52.

Новгородская альтернатива

Противоборство московской социально-экономической модели в XIII–XV вв. с альтернативными моделями развития русской цивилизации шло «на два фронта» – против Новгородской боярской республики и против Великого княжества Литовского (Русско-литовского государства). Обе они развивались под влиянием западных институтов (влияние Ганзы на Новгород, Польши на Литву) и демонстрировали более высокую степень политической и экономической свободы, чем московское самодержавие.

Раньше всего удалось покончить с Новгородом. Если в XIV в. Новгородская республика ограничивала свою зависимость от Москвы выплатой дани для пересылки в Золотую Орду, то после разгрома на Шелони в 1471 г. Новгород признал себя «отчиной» московского великого князя, а в 1478 г. остатки самоуправления были полностью ликвидированы.

Новгородская боярская республика являлась своеобразным городом-государством, в котором полнотой прав обладали только потомственные новгородские бояре (40 семей – «300 золотых поясов»), в меньшей степени – незнатные коренные жители Господина Великого Новгорода. Собственность здесь была относительно независима от власти: если новгородские бояре являлись одновременно и политическими руководителями, и крупнейшими землевладельцами, то «житьи» (категория населения, похожая на афинских метеков) не обладали полнотой политических прав, но могли иметь обширные земельные владения, не уступавшие боярским. Приглашаемый на временную службу князь выступал почти исключительно как военачальник, своего рода кондотьер, не имеющий прав вмешиваться в поземельные отношения.

Новгородский социально-экономический строй, резко отличаясь от московской власти-собственности, однако никогда не представлял сколько-нибудь сильной политической альтернативы Москве. Это заметно хотя бы в том, что присоединение Новгорода шло в XV в. как «игра в одни ворота»: новгородцам ни разу не удалось дать эффективного отпора москвичам.

Легкая победа Москвы над Новгородом может показаться странной. Ведь новгородская вечевая демократия потенциально являлась более перспективным институтом конституционного выбора, чем авторитаризм московских князей. Аналогично, уровень и качество жизни новгородцев были не ниже, а скорее выше, чем у москвичей.

Исход конкуренции разных региональных моделей определялся в доиндустриальных обществах прежде всего преимуществами военного потенциала.

Поскольку московская армия комплектовалась воинами, получавшими служебные имена, то вотчинно-помещичья система давала растущий эффект от масштаба: чем больше земель присоединяла Москва, тем многочисленнее была ее профессиональная армия. Бояре и помещики присоединяемых княжеств либо изъявляли покорность Москве и вливались в ее армию, либо, если они успели зарекомендовать себя противниками Москвы, подвергались репрессиям, а их земли раздавали лояльным к новой власти воинам.

Военная система Новгорода основывалась на сочетании использования дружины приглашенного служивого князя с городским ополчением. Поскольку у неполноправных жителей пригородов и погостов не было особого резона защищать новгородскую свободу, то никакого эффекта от масштаба не возникало – присоединение новых земель не увеличивало числа жителей Господина Великого Новгорода, из которых набиралось ополчение. Рост налоговых сборов с новых погостов мог привести к расширению наемной армии, однако наемничества западноевропейского типа в средневековой России никогда не было, поэтому приезжавшие в Новгород служивые князья не могли увеличивать свою дружину. Лишь пока Новгород боролся с иноземными захватчиками (как в XIII в. с Тевтонским орденом), он получал поддержку от русских князей. Во время же военного противоборства со «своими» новгородская демократия могла рассчитывать только на собственные силы. К тому же после реформ 1410-х гг. вечевая демократия практически

исчезла, сменившись боярской олигархией (наподобие средневековой Венеции). Оказавшись отчужденными от управления, «черные люди» Новгорода лишились стимула защищать республиканские институты²⁰.

Преимущества военной организации привели к тому, что история Московского княжества – это история его непрерывного расширения, в то время как территория Новгородского княжества-республики почти не менялась. Новгородцам удавалось обложить данью все новые малонаселенные северные земли, но собственно русские земли под властью Новгорода даже сокращались. В частности, подобно тому как Новгород хотел быть независимым от Москвы, Псков хотел быть независимым от Новгорода. Поэтому едва Псков стал достаточно сильным, в 1348 г. он отделился от «старшего брата» и стал самостоятельным княжеством-республикой, причем – для противовеса Новгороду – с промосковской ориентацией. Точно так же, как города-государства Киевской Руси были бессильны перед единой Золотой Ордой, Новгород оказался бессилён перед Москвой. Откупаясь с середины XIV в. от сильных соседей, Новгород лишь отсрочивал потерю независимости.

Таким образом, в противоборстве с Москвой Новгород мог только обороняться, а такая стратегия делала потерю его независимости вопросом времени. Единственной альтернативой насильственному присоединению к Москве было присоединение к Великому княжеству Литовскому. В XV в. новгородские бояре действительно стали все чаще приглашать служивых князей из Литвы, но Иван III успел пресечь намечавшийся переход Новгорода под власть литовских правителей. При ином стечении обстоятельств Господин Великий Новгород мог бы присоединиться к Литве, резко ее усилив.

Литовская альтернатива Противоборство Москвы с Литвой проходило, в сравнении со слабостью новгородской альтернативы, в гораздо более равных условиях.

Как известно, после монголо-татарского нашествия большинство бывших княжеств Киевской Руси полудобровольно-полупринудительно перешло под власть литовских князей. Официальным языком Великого княжества Литовского был русский (старобелорусский), язык 80% его подданных. Поэтому нельзя не признать, что вплоть до конца XIV в. Великое княжество Литовское выступало как центр консолидации русских земель, по меньшей мере не уступающий Москве. При этом уровень политической и экономической демократии в Литве был существенно выше: литовские князья руководствовались принципом «мы старины не рушим», что вело к сохранению унаследованных от Киевской Руси институтов боярской самостоятельности и вечевого самоуправления, постепенно трансформировавшихся в дворянскую демократию и магдебургское право.

Поскольку Великое княжество Литовское, как и Московское княжество, применяло вотчинно-поместную систему военной комплектации, то ее военный потенциал был никак не ниже, чем у Москвы. Показателем военной силы Литвы является хотя бы то, что если Москва платила дань Золотой Орде, то Литва была от нее независима (хотя и она сильно страдала от татарских набегов).

Если силовые возможности разных институциональных региональных моделей приблизительно равны, исход их противоборства зависит от сравнительных экономических возможностей, но может быть решен и во многом *случайными обстоятельствами*.

В институциональной конкуренции между Москвой и Литвой поражение Литвы как «второй России» – Западной России, борющейся с московской Восточной Россией, – связывают с неудачным конфессиональным выбором литовских князей. Приняв по Кревской унии 1385 г. католицизм, они "закрыли" для себя возможность стать "своими" для русских подданных, поскольку вплоть до новейшего времени конфессиональные

²⁰ Янин В.Л. Новгородские посадники. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 353, 438.

границы становились и границами «национальных» экономических систем. Вероятно, если бы Ягайло и Витовт сделали ставку не на союз с католической Польшей, а на православных подданных, они могли бы присоединить к Литве и Московское княжество, сыграв в русской истории роль Ивана III. Гадячская уния 1658 г., признавшая равноправие в Речи Посполитой православных и католиков, пришла слишком поздно, когда Западная Россия уже умирала.

Уния Литвы не с Московской Русью, а с Польшей, привела к "вестернизации польски" и формированию на западнорусских землях своеобразного республиканского строя, отчасти схожего с Новгородской боярской республикой времен ее заката.

Уже в 1447 г. литовское дворянство получило по польскому образцу гарантии частной собственности на землю и налоговый иммунитет (правитель Литвы лишился права налагать подати и повинности на частновладельческих крестьян). В 1505 г. шляхетский сейм в г. Радом принял так называемую "Радомскую конституцию": правитель не имел права издавать какие-либо законы без согласия представителей дворянства (сената), причем для принятия закона требовалось его единогласное одобрение всеми участниками сейма – дворянского парламента. Трансляция на Литву польских институтов дворянской демократии резко ускорилась после Люблинской унии 1569 г., когда Великое княжество Литовское окончательно слилось с Польским королевством, и объединенное польско-литовско-русское государство стало называться «Речь Посполитая» (Rzeczpospolita – по-польски «республика», «общее дело»). Это название отражало высокую роль, которую играли как в Польше, так и в Литве дворянские парламенты-сеймы разных уровней – от местных (сеймики) до общегосударственного (валовый сейм). В выборах не участвовали ни горожане, ни тем более крестьяне, однако поскольку дворянский титул носил почти каждый десятый подданный Речи Посполитой, то в парламентской деятельности участвовало 8-10% всего населения страны.

В состав Речи Посполитой входили многие русские земли – современные Украина, Белоруссия, Смоленская область. Вплоть до XVII в. они продолжали выступать «второй Россией», альтернативным – более демократическим – вариантом социально-экономического развития русской цивилизации. Последний шанс на перехват ею инициативы у московского самодержавия был упущен во время Смуты 1604-1618 гг. Провал попыток посадить на московский престол западнорусского православного правителя (сначала Лжедмитрия I, потом сына короля Сигизмунда III) привел к тому, что за Речью Посполитой закрепилась репутация врага православия. К концу XVII в., с завершением окатоличивания русской знати и после страшных разорений Хмельниччины и русско-польской войны 1654-1667 гг., Западная Россия окончательно исчезла, дав начало Украине и Белоруссии.

Казацкая альтернатива

Если в советские времена вольные казаки считались, прежде всего, борцами против феодальной эксплуатации, то в 1990-2000-е гг. российские «патриоты» превозносили их как защитников отечества и православия. Реальные донцы и запорожцы, однако, причудливо сочетали черты не только защитников свободы и «степных рыцарей», но также профессиональных наемников и «бандитов-гастролеров».

Вольное казачество сложилось на южной окраине русских земель в начале XVI в. как «буфер» между Россией и Степью. Сюда уходили наиболее пассионарные представители всех сословий (от холопов до дворян), которые были готовы вне контроля центрального правительства каждодневно добывать средства к жизни саблей, а не плугом. В казачьих станицах Дона и Запорожской Сечи даже в XVII в. запрещалось заниматься земледелием, зато оружием здесь владел каждый. Военная добыча от походов против «басурман» стала главным источником дохода этих профессиональных воинов.

Хотя численность казаков в сравнении с числом подданных Москвы и Литвы была весьма небольшой, однако высокий военный потенциал вольного казачества, а также их

способность резко увеличивать свои ряды за счет приема новых "пассионариев", заставляли рассматривать этих "лишних людей" как вескую силу, способную выдвигать свой вариант социально-экономического устройства общества. Каков этот вариант, стало ясно во время Смуты 1604-1618 гг., которую современные историки начинают рассматривать как первую в истории России полномасштабную гражданскую войну²¹, связанную с противоборством трех разных моделей развития российской цивилизации – московской, литовской и казацкой.

Казацкие отряды с Дона и из Сечи действовали в годы Смуты почти во всех краях России, выступая союзниками практически всех противоборствующих сторон — всех Лжедмитриев и других самозванцев, поляков, шведов, армии И. Болотникова, Первого и Второго ополчений, правительств В. Шуйского и М. Романова. И всегда эти союзники отличались, наряду с отличными боевыми качествами, довольно своеобразным отношением к военной дисциплине и стремлением разграбить все, что подвернется под руку. Находясь формально на службе у того или иного “законного” правительства, казаки фактически подчинялись лишь решениям своих сходок — казацких кругов, которые стали, по существу, своеобразными мини-правительствами.

Согласно их решениям, казаки наряду с беспорядочным грабежом практиковали и более упорядоченные его формы. С 1607 г. на контролируемых казаками местностях в центральной России стали создаваться так называемые приставства: отряд казаков (станция) захватывал определенную территорию в коллективное кормление, заставляя местных жителей отдавать все, что захотят забрать люди с оружием²². Наибольшего распространения практика казачьих приставств получила в 1614-1615 гг., на последней фазе Смуты.

Приставство – это наиболее примитивная форма власти-собственности, когда право забирать имущество прямо и непосредственно опирается на силу оружия, причем этим правом обладает не индивид, а коллектив вооруженных людей как целое. Поскольку казацкие станицы часто меняли свою дислокацию, у них, вполне по М. Олсону, не было никаких стимулов заботиться о преумножении достатка крестьян. Если же те выражали недовольство грабительскими наклонностями владельцев приставства, казаки демонстрировали право силы, не останавливаясь перед убийствами. Не удивительно, что крестьяне нередко организовывали отпор подобным “бандитам-гастролерам” силами местной самообороны, либо помогали правительственным войскам. Хотя их политическая организация отличалась ярким демократизмом, экономические идеалы казаков оказались далеко не демократичны – они хотели «воли» лишь для себя.

Важно отметить, что в годы восстания И. Болотникова и позже некоторые монастыри (именно они были тогда крупнейшими землевладельцами) выплачивали казакам, контролировавшим эту территорию, определенные суммы денег в обмен на гарантии неприкосновенности своих владений²³. Соответственно, те казацкие “группировки”, которые ее использовали, продвинулись наиболее далеко в эволюции от “бандитов-гастролеров” к “оседлым бандитам”, повторяя тот путь, по которому ранее прошли полуполюгендарные викинги Рюрика. Впрочем, такая эволюция оказывалась неустойчивой и отнюдь не повсеместной: видимо, вольные казаки чаще предпочитали сразу и немедленно отбирать добро у своих жертв, не задумываясь о завтрашнем дне.

Поскольку казачьи отряды действовали самостоятельно, без какой-либо координации друг с другом, то новое правительство Романовых все же нашло силы разогнать “гулявшие” по Московии отряды “казаков-разбойников”. Если бы у казаков появился в это время лидер типа Степана Разина или Емельяна Пугачева, то Смута могла закончиться и коронацией «казацкого царя». В реальной истории, однако, казацкий

²¹ См., например: Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990.

²² Ук. соч. С. 23-24, 41.

²³ Ук. соч. С. 24.

“потоп”, едва не перевернувший Русское государство, вернулся в обычное русло. Попытки казаков заменить вотчинно-поместную систему казачьими приставствами потерпели провал в силу как неравенства военных потенциалов разрозненных казачьих отрядов и Московского государства, так и субъективных факторов.

Однако казацкий рэкет, эпизодически проявившийся в годы Смуты, не только не исчез, но, напротив, стал постоянной системой. После Деулинского перемирия 1618 г. с Польшей донским казакам специальной грамотой от правительства Романовых было установлено регулярное царское жалованье деньгами, боеприпасами и продуктами (ранее московское правительство жаловало донских казаков лишь эпизодически)²⁴. По существу, вольным казакам Дона выплачивалась такая же подать за воздержание от грабежей, как и крымским татарам. Отличие состояло в том, что казаки все же защищали Московию не только от самих себя, но и от тех же крымцев, а потому более соответствовали олсоновскому “оседлому бандиту”. Характерно, что отношениями и с Крымским ханством, и с донскими казаками ведал один и тот же Иноземный приказ.

Лишь в 1671 г. донское казачество, зажатое между Московским государством и Турецкой империей, дало присягу на верность московским государям. Характерно, что это произошло сразу после подавления «восстания» Степана Разина 1669-1671 гг. – не столько крестьянской войны, сколько неудачной попытки вернуться к Смутному времени. «Казачья альтернатива» окончательно была ликвидирована лишь в конце XVIII в., после разгрома «восстания» Емельяна Пугачева 1773-1775 гг. – последней попытки казаков навязать московскому «вотчинному государству» собственную версию отношений власти-собственности²⁵.

К чему мог бы привести успех казачьих походов против Москвы, можно понять по результатам Хмельнитчины и последующей Руины. На Украине казакам в середине XVII в. удалось полностью подавить старую правящую элиту и даже создать полусамостоятельное (до времен Петра I) государство под гетманским управлением. Социально-экономическим результатом стало разорение страны в ходе полувековых войн и междоусобиц, сохранение поместной системы при обновлении личного состава землевладельцев и усилении институтов власти-собственности. Иначе говоря, удачный казацкий мятеж оказался элементом «азиатского цикла» смены правящих элит.

Если бы «крестьянские войны» привели к захвату Москвы казаками, украинская Руина повторилась в масштабах всего Русского государства. Поэтому в то время как провал литовской альтернативы был неэффективным выбором в бифуркационной ситуации, пресечение казачьей альтернативы, напротив, – это пример эффективного выбора.

Россия в поисках Европы Таким образом, одним из главных сюжетов институциональной истории средневековой России является постоянное противоборство двух институциональных систем, двух наборов формальных правил и неформальных ограничений – основанной на восточной власти-собственности и основанной на западных принципах уважения прав частной собственности (Табл. 4-2).

Таблица 4-2

Сравнение институциональных характеристик альтернативных моделей развития русской цивилизации XIII-XVII вв.

²⁴ Гордеев А.А. История казаков. М.: «Страстной бульвар», 1991. С. 167.

²⁵ В советской историографии было принято интерпретировать движения И. Болотникова, С. Разина и Е. Пугачева как “крестьянские войны”. Критику стереотипа и обоснование преимущественно казачьего характера этих “восстаний” см.: Сокольский М. Почему «крестьянские войны»? Мифоведческое эссе // В кн.: Сокольский М. Неверная память. Герои и антигерои России. М.: Московский рабочий, 1990; Нольпе Г.Г. Русские “крестьянские войны” как восстания окраин // Вопросы истории. 1994. № 11.

Институциональные характеристики	Модели, основанные на власти-собственности		Модели, основанные на частной собственности	
	Московская модель	Казацкая модель	Новгородская модель	Литовская модель
Формы земельной собственности	Поместья и вотчины как индивидуальные служебные владения	Приставства как коллективные служебные владения	Вотчинная неслужебная собственность	
Управление	Самодержавное	Демократическое	Боярская олигархия с элементами народной демократии	Дворянская демократия
Военная организация	Поместная система	Поголовное вооружение	Дружина приглашенного князя, городское ополчение	Дворянская и наемная армии
Причины поражения в конкуренции с Москвой	X	Разрозненность вооруженных сил, непривлекательность для крестьян	Слабость военной организации	Неудачный конфессиональный выбор правящей династии

В формировании российского «вотчинного государства» можно выделить две точки бифуркации: первая связана с победой Москвы в XIV-XVII вв. над про-западной литовской моделью, предполагающей развитие частной собственности; вторая – с победой Москвы в начале XVII в. над казацкой моделью, более архаичной версией власти-собственности.

Все четыре модели развития русской государственности отражали те или иные объективные тенденции и могли (хотя и с разной степенью вероятности) стать основой российской цивилизации нового времени. Полную победу одержала одна, московская модель. Но и три остальные модели внесли свой вклад в культуру российской цивилизации. Поэтому исконно русскими традициями следует считать не только московское самовластье, но и новгородский «вечевого парламентаризм», казацкое «право силы» и литовские вольности. Эти институциональные традиции постоянно прорываются в последующей истории России, так что в Смутном времени 1604-1618 гг. можно без труда увидеть много общего со Смутным временем 1917-1921 и 1991-1998 гг.

Завершение победы «московской» России над «литовской» Россией – наиболее европеизированной (феодализованной) версией российской государственности – почти совпало с началом сознательной европеизации самой Московии. Условной датой конца «литовской» России можно считать 1696 г., когда литовско-(бело)русские послы на сейме Речи Посполитой внесли предложение о замене (бело)русского языка польским в государственном употреблении на землях бывшего Великого княжества Литовского, после чего Речь Посполитая потеряла последнюю возможность стать альтернативным центром именно русской (а не только польской) государственности. На следующий год с визита в Кенигсберг началось Великое посольство Петра I, в ходе которого будущий император России окончательно решил заставить Россию стать Европой. Возможности мирной европеизации (по новгородской или литовской модели) были упущены, поэтому пришлось «прорубать окно в Европу» саблей и штыком.